

Стивен Ябло

Самопознание и семантическая удача*

1. Парадокс Пола

В философии не существует награды за самое короткое *априорное* доказательство [существования] внешнего мира, философы больше любят длинные доказательства. Если, несмотря ни на что, такая награда была бы дана, ее следовало дать за следующее рассуждение:

- (1) Если я мыслю воду, то вода существует.
- (2) Я мыслю воду.
- (3) Следовательно, вода существует.

Конечно, я имею в виду, что этот аргумент получил бы награду, если бы он работал: в частности, если посылки этого аргумента были известны *a priori*. Пол утверждает, что он не работает. Скорее же мы имеем *парадокс*, в котором две чрезвычайно правдоподобные гипотезы – одна, поддерживаемая привилегированным доступом, другая – экстернализмом о содержании [сознания] – как оказывается, приводят к невероятному результату, а именно тому, что существование такой вещи как вода познаваемо *a priori*.

2. Парадокс Сола

До появления парадокса Пола существовал парадокс Сола. Парадокс Сола является в некотором смысле более важным, потому что он заставляет нас сомневаться в правильности не того, что мы называем (1) и (2) *априорными*, а того, что мы называем их (и другие подобные им утверждения) *истинными*. Вот отрывок из «Именование и Необходимость»:

---

* Yablo S. Self-Knowledge and Semantic Luck // Philosophical Issues. – Vol. 9. – 1998. – pp. 219-229. Перевод выполнен Евгением Вострецовым с любезного разрешения автора. – Прим. ред.

[...] говорится, что единорогов нет,... при определенных обстоятельствах единороги *были бы*. И это пример чего-то, [что], как я полагаю, не верно... Возможно, согласно моим представлениям, эта истина не должна быть сформулирована через высказывание о том, что необходимо не должно быть единорогов, но что мы просто не можем сказать, при каких условиях единороги бы существовали¹.

Заметим, что «проговариваются» *две вещи*: первая, что нет единорогов, и вторая, что при определенных обстоятельствах единороги были бы. Только второе из этих утверждений Крипке подвергает сомнению. Он принимает как нечто данное, что единорогов не существует; поэтому у предложений, содержащих термин «единорог», нет условий истинности, а также поэтому мысли о единорогах — которым, по-видимому, *требуется* условия истинности, чтобы существовать — полностью исключаются.

Далее, предположим, что на самом деле истинно, что, так как имеются мысли об *X*, вещи *X* должны существовать². Тогда что мешает рассуждать в духе философии XVIII века, и что в этом деле мешает мне или вам возразить следующим образом:

- (1¹) Если я мыслю теплород, то теплород существует.
- (2¹) Я мыслю теплород.
- (3¹) Следовательно, теплород существует.

Поскольку заключение ложно – так как теплород не существует – одна из посылок должна быть ложна. Которая? Я называю это парадоксом, потому что имеется, как любит повторять Крипке, сильное ощущение, что *обе* посылки корректны (верны?).

Если я скажу, что теплорода не существует, вторую посылку мне будет тяжело отрицать; мысль о том, что теплорода не существует, все равно есть мысль о теплороде, если она вообще является мыслью о чем-либо. И я так же имею другие мысли о теплороде: люди раньше верили в теплород; если теплород существует, то тем хуже для атомарной теории тепла.

Но с первой посылкой так же трудно спорить. Мысль – это нечто, обладающее условиями истинности; ее можно сравнить с некоторым

---

1 Крипке S. Naming and Necessity. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. – p. 24.
2 Очевидно, необходимо ограничить «*X*»; здесь я не буду пытаться его сформулировать.

возможным миром и обнаружить, что она либо истинна, либо ложна относительно него. И в связи с отсутствием какого-либо реально существующего теплохода, который мог бы служить в качестве стандарта, не понятно, какая подобная теплоходу субстанция в других возможных мирах релевантна по отношению к контрфактическим истинностным значениям моих мыслей о теплоходе.

3. Крипкеанские условия истинности против фрегеанских

Крипке в своем отрывке говорит о мыслях о единороге, как об истинных без обладания какими-либо условиями истины. Как такое возможно? Казалось бы, мысль истинна, только если она накладывает определенные условия на реальность, каковые фактически выполняются. Таким образом, эти условия едва могут быть иными, чем условия истинности данной мысли. А не могли ли эти условия истинности быть тем, что предположительно пропало с картины Крипке?

Аналогия может помочь нам. Предположим, я введу *H* как предикат, что, независимо от того, каким может оказаться мир, истинен всегда и только относительно ёжиков. Теперь рассмотрим утверждение, или мысль, что *H* существуют. В состоянии ли вы определить его условия истины?

Не в смысле проблемы отрывка Крипке, поскольку я не сказал вам ничего о том, что означает для *H* быть истинным относительно *контрфактического* объекта для *H*. (И я не собираюсь этого делать, так как все значение *H* уже было объяснено). И все же кажется несколько сомнительным, что эта мысль истинна. Потому что независимо от того, говорится или нет в утверждении «*Существуют H*» о других мирах, *этот* мир описывается как мир, содержащий ёжиков. Вот вам пример истины, которой недостает условий истинности.

Но подождите минутку, скажете вы. Конечно, мысль, что *H* существует, имеет условия истины; но истинно при условии, что ёжики существуют.

В этом явно что-то есть. Мысль имеет условия истины *некоторого вида*: ее (действительное) истинностное значение зависит от того, (действительно ли) выполняются ли такие-то и такие-то условия, независимо от того, выполняются (действительны) ли такие-то и такие-то условия [или нет]. Однако, очевидно, что этой мысли не достает условий истинности того вида, который подразумевается Крипке: условий [истинности], которые определяют корректно ли *описан* этой мыслью

некоторый (возможно контрфактический) мир. Для того, чтобы иметь язык для этого необычного положения дел, давайте скажем, что здесь утверждение «*Существуют Н*» имеет «фрегеанские» условия истинности, но либо не имеют «крипкеанских», либо последние не полны.

4. Последствия для парадоксов

Что это говорит нам о парадоксе Сола? Если «обладание мыслью, что теплород существует» значит «обладание мыслью с *крипкеанскими* или модализированными условиями истинности, что теплород существует», то (1') кажется истинным; при условии отсутствия действительного теплорода для того, чтобы установить стандарт [теплородности], каким образом может вообще иметь место что-либо о контрфактическом теплороде?³ А (2') ложно. Я не мыслю, что теплород существует, потому что моя «мысль» оставляет (более или менее) открытым вопрос о том, какие миры являются теплородными мирами.

С другой стороны, если мы говорим об «обладании мыслью с *фрегеанским*, или актуализированным условием истинности о том, что теплород существует», тогда все наоборот. Я, конечно, мыслю теплород, следовательно (2') истинно, но, (1') – нет, моя способность мыслить что-то не является заложницей реального существования субстанции.

Сработает ли тот же самый подход с парадоксом Пола? Возьмем сперва *крипкеанские* мысли о воде, или мысли о воде, индивидуализированные при помощи *крипкеанских* условий истинности. Размышления *a priori* предполагают, что для них требуется действительная вода, как это предусматривается в посылке (1). Но то, что я мыслю *крипкеанскую* мысль о воде, не является, как это может быть аргументировано, чем-то, что я могу высказать *a priori*. Таким образом (1) *априорно*, а (2) – нет.

Если мы сейчас переключимся на *фрегеанские* условия истинности моей мысли – в том смысле, что их истинностное значение в действительном мире зависит от реальных фактов – то моя мысль, как кажется, может быть обнаружена *a priori*. Даже полное *фрегеанское* значение моей мысли – в том смысле, что ее истинностное значение во всех мирах⁴ зависит от действительных фактов – познаваемо *a priori*. Ну и что? Мысли, индивидуализированные *фрегеанскими* условиями

3 Я вернусь к этому несколько позже.

4 Другими словами, *крипкеанские* условия истинности Крипке.

истинности, или значения, не являются априорными для действительной воды. Таким образом, априорной является только посылка (2).

5. Давайте будем крипкеанцами

Потрясающе; кроме того, что все это время мы шли в аккуратно расставленную ловушку инкомпатибилистов. Вот что скажет инкомпатибилист:

Меня не волнует, являются ли фрегеанские мысли познаваемыми *a priori*, потому что фрегеанские мысли, по моему мнению, не являются *экстерналистскими*. Ваша точка зрения кажется таковой, что экстернализм и привилегированный доступ могут оба быть истинными, *но не относительно одних и тех же мыслей*. Почему я должен не соглашаться?

Этот ответ заставляет нас ненадолго отложить фрегеанские понятия в сторону и взглянуть на утверждение Пола о том, что крипкеанские условия истины не выполняются на Сухой Земле. (Условия истины впредь будут пониматься как крипкеанские; единственное фрегеанское понятие, которое вы встретите – «значение», и то только в последнем параграфе.)

Ясно одно: если это Сухая Земля, тогда большинство миров не могут быть классифицированы как содержащие воду или не содержащие ее. Это следующий шаг, беспокоящий меня. Следует ли из этого на самом деле, что мысль *вода существует* испытывает недостаток в условиях истины?

Это зависит от многого. Это вероятно, если условия истины рассматриваются как сингулярные пропозиции, составленные *inter alia* из полнокровных свойств; в отсутствие воды не может быть полнокровного свойства *бытия* водой, что является барьером для пропозиции.

Но сингуляристская концепция удивительна в том контексте, где обусловленность истинности рассматривается как условие мышления. Наконец, способность мыслить воду интуитивно совершенно *независима* от онтологических дебатов о том, какие виды свойств могут быть, включая споры о том, существуют ли вообще свойства. Я полагаю, можно сказать [следующее]: пусть у нас будет плеонастическая концепция свойств, в которую необходимые нам свойства будут попадать просто так. Но они будут попадать в нее просто так, только когда предикат будет

соответствующим образом значим, а значимость [термина] «вода» на Сухой Земле будет тем, о чем мы говорить.

Какой вид объектов должен играть роль условий истины, если не полнокровная сингулярная пропозиция? Ответ на этот вопрос состоит в том, что это любой объект, который будет кодировать возможность мысленности мира на основе того, содержит ли этот мир воду; вот все, что нужно для мыслей о воде, поэтому это все, о чем можно спросить как об условиях истинности, рассматриваемых как условия такой мысли⁵. Ради определенности, позвольте мне предположить, что роль кодирования наиболее эффективно играется условиями истинности, понимаемыми как правила или рецепты классификации миров. Сингулярные пропозиции могут служить в некоторых случаях как удобные хранилища информации о таких классификациях. Но если мы говорим об условиях истинности в смысле необходимом для мысли, это то правило, которое нам важно.

6. Степени таксономической силы

Далее, правила, как мы знаем, могут иметь слепые пятна: иногда большие. Это не так часто отмечается, но правила, определяющие «истинность», оставляют нас в подвешенном состоянии очень часто; в них так же много парадоксов, как и определенных истин и ложностей. (Можно представить альтернативные правила, которые сделают это соотношение еще хуже.) Эта мысль об истине и лжи, как бы то ни было, предполагает одну гипотезу: мысль «вода существует» *имеет* условия истины на Сухой Земле⁶, но условия истины не такие определенные как в двух крайних случаях (вода существует и вода не существует, но известен «экземпляр» воды – Прим. ред.). Несколько совершенно сухих миров исключены из рассмотрения, но в большинстве миров их нельзя высказать⁷.

Истинная аналогия имеет свои пределы, потому что пренебрежение парадоксами имеет значительный *априорный* компонент.

---

5 Вплоть до включения объектов на подобие сингулярных пропозиций, чтобы избежать беспокойства Пола по поводу отсутствия этого свойства.

6 Например, мир содержит воду, если существует уникальное водное вещество на Сухой Земле, которое достаточно похоже [на воду]; и мир испытывает недостаток в воде, если он действительно сух. (Это огрублено.)

7 Сходные условия истинности исключают определенные миры, достаточно отметить мира два как отличные. (Я предполагаю физику тепла на Сухой Земле точно такой же, как и в действительном мире.)

Лучшая аналогия – семантика Карнапа для теоретических термов, опубликованная в его статье «*Проверяемость и значение*»⁸. Карнап устанавливает, что объект, погруженный в воду, растворим тогда и только тогда, когда он растворяется, и что химические аналогии *solubilia (insolubilia)* являются самостоятельно растворимыми (нерастворимыми). Как он затем отмечает, это и оставляет огромное количество случаев нерешенными – хотя мы можем решить *a priori*, каждый отдельный случай остается неразешенным.

Несмотря на эти эмпирические неопределенности, Карнап наделил, как кажется, слово «растворимость» субстанцией достаточной для мыслей о растворимости и, следовательно, субстанцией достаточной для условий истинности в том объеме, который требуется мыслям о растворимости. Не чувствуется, однако, что условия истинности высказывания *это растворимо* являются чем-то убывающим в ничто. Чувствуется скорее, что это высказывается все в меньшем и меньшем количестве случаев до той степени, [пока объект не] перестанет выполнять свое предназначение в качестве условий истины. Но мысли с слабыми условиями истины все равно являются мыслями.

7. Возвращение парадокса

Вы можете догадаться к чему это ведет. Если мы достаточно неудачливы и живем на Сухой Земле, то, как утверждает Пол, здесь нет (полнокровного) свойства бытия водой. Само собой это не делает бессмысленным вопрос: «Какая действительная или контрафактическая субстанция заслуживает быть описанной как вода?» Это не исключает того, что утверждение «вода существует» накладывает условия на миры, хотя и условия с меньшей таксономической силой, чем нам хотелось бы в идеале. (И действительно имеется некоторая таксономическая сила, поскольку она ведет себя определенным образом на Сухой Земле).

Тогда следует утверждение, что компатибилист может просто *отрицать*, что мысли о воде *a priori* требуют воду. Но хотя этого может быть достаточно для противодействия парадоксу в том виде, как он был представлен (в частности, его первой посылке), что же насчет следующего варианта, где «таксономический» означает «имеющий таксономическую или классификаторную силу»:

---

8 Carnap R. Testability and Meaning // Philosophy of Science. – Vol. 3, No. 4; Vol. 4, No. 1. – 1936/37.

(1*) Если я имею таксономические мысли о воде, то вода существует.

(2*) Я имею таксономические мысли о воде.

(3) Следовательно, вода существует.

Я хочу сказать, что обновленный парадокс полностью переворачивает оригинальную проблему. Может быть истинным, и истинным, согласно экстернализму, что посылка (1*) *априорна*⁹. Но привилегированный доступ не должен пониматься как то, что делает (2*) *априорным*. Гипотеза, что я мыслю *таксономические* мысли о воде слишком близка к гипотезе о том, что существует вода, поскольку первая априорна, а вторая – нет.

8. Знание «что»

Тут наш изначальный вопрос – «Как без эмпирических исследований я могу знать, *мыслю ли я?*» – начинает превращаться в нечто более знакомое: «Как без эмпирических исследований я могу знать, *о чем я думаю?*»¹⁰. Чтобы утверждать, что я обладаю априорным знанием своих мыслей, в особенности их условий истинности, я должен как минимум быть в состоянии сказать обладают ли эти условия каким-то существованием.

Такой аргумент может представляться соответствующим здравому смыслу. Но он разменивается на весьма специфическую концепцию «знания что» – концепцию, которая может представляться соответствующей только здравому смыслу, но требует в то же время тщательного изучения. Я называю эту концепцию *абсолютизмом* о знании что:

---

9 У меня так же есть сомнения об *априорности* посылки (1*), потому что я подозреваю, что «вода» может находиться на Сухой Земле в мнимом феноменологическом смысле. Термы «естественных видов» обозначают большинство естественных видов; согласно Крипке, они восходят к своему собственному уровню. То, что некоторые такие термы, как например «воздух», «земля», «огонь» и «вода», кажутся терминами более естественных видов, чем некоторые другие, отражает не предшествующие семантические предрасположенности, а лишь то, что они более удачны. (Я допускаю, что *могли бы* существовать термы, что обозначают естественные виды или не обозначают ничего, поэтому я не настаиваю на этой точке зрения.)

10 Конечно же, это «другая» экстерналистская угроза привилегированному доступу.

знание того, чем является X, есть знание неотъемлемо важных фактов о том, чем является X, т. е. тождества, сущности или природы X.

Если условия истинности моих мыслей не являются таксономическими, тогда это будет казаться важным фактом об их природе – тем видом фактов, согласно абсолютизму, который должен быть известен всякому, кому известны условия истинности. Так как я не могу засвидетельствовать их *априорность*, представляется, что я не знаю *a priori*, чем в действительности являются условия истинности утверждения *вода существует*.

Корректен ли абсолютизм? Рассмотрим несколько его следствий, что поможет нам ответить на этот вопрос. Абсолютизм влечет за собой, что (i) факты о природе *X* необходимы для знания того, чем *X* является; (ii) факты не о природе *X* нерелевантны для того, чтобы знать, чем является *X*; и (iii) те же факты релевантны для знания того, что такое *X*, несмотря на то, как *X* описан.

Надеюсь, я не единственный кому это кажется спорным. Относительно пункта (ii), чтобы знать, что такое «пурпурный», вы должны знать, как он «заставляет» выглядеть вещи, *даже если* «пурпурный» является внутренним свойством внешнего объекта без существенного отношения к человеческому опыту. Подобные замечания применяются к северному полюсу (он находится на вершущке мира), ЛСД (он окрыляет), грязи (она дешевая) и Земле (это планета на которой мы живем). Следуя пункту (i), только философ может сказать вам каково наименьшее простое число; математики ведут хорошую игру, но они даже не могут решить, является ли два множеством. Что касается (iii), прямоугольность и ромбовидность являются одним и тем же свойством, но требуются различные способности распознавания, чтобы понять, что они такое. Разве кто-то не знает, что соль должна находиться под скалой, но хлорид натрия – совсем другая история. Ангедонистский физиолог знает, что раздражение р-волокон и удовольствие не являются одним и тем же, даже если удовольствие и возбуждение р-волокон – на самом деле одно и то же.

Конечно, применение этого, которое нам интересно, касается знания условий истинности. Но абсолютизм здесь представляется ошибочным. Я знаю, каковыми являются условия истинности гипотезы Гольдбаха, но в то же время мне не известен следующий простой факт:

являются они необходимыми или невозможными¹¹. (Это касается теоретических тождеств в науке, генеалогических гипотез, и т. д.) Если я могу обойтись без *априорного* знания одного «базового метафизического факта» об условиях истины, для того, чтобы знать о выполнимости этих условий истинности, то каковы они в таксономическом смысле?

9. Не абсолютистская альтернатива?

После всех этих уклонений от эпистемических обязательств, можно спросить: что *должен* я знать, чтобы знать условия истинности моих мыслей? В качестве альтернативы только что обнаруженной «метафизической» концепции мы попробуем следующее:

(*) Я знаю *a priori* то, каковы условия истинности моей мысли, тогда и только тогда, когда я знаю *a priori*, что она обладает условиями истинности, что *P* – поскольку *P* является соответствующим (?!?) предложением моего языка¹².

Это оставляет инкомпатибилизм открытым. Чтобы знать *a priori*, что мои мысли имеют условия истинности, что *P*, я должен знать *a priori*, что они *не имеют* (альтернативных) условий истинности, что *Q*. И, при условии, что экстернализм корректен, тогда для некоторых значений *Q* я этого не знаю. Например, все, что я могу сказать *a priori*, – что мысли, выраженные моими словами «вода существует» могут быть истинными при условии, что XYZ существует¹³.

Я хотел бы ответить так; подробности же все еще находятся в разработке. *Априорное* знание напоминает обычное знание в одном важном отношении: оно заставляет нас исключить некоторые невозможности/невероятности, но не все существующие невозможности. Это становится ясным после рассмотрения простых примеров. Я знаю *a priori*, что мое местонахождение здесь, но я не знаю *a priori*, что мое местонахождение не Киншаса, несмотря на то, что тот факт, что я нахожусь здесь (в Анн-Арбор) не совместим с тем, чтобы быть в

---

11 Допустим, какой-то математик говорит мне, что они невозможны. Вовсе не очевидно, что само по себе это помогает мне лучше понять данное предположение.

12 Это явное игнорирование проблем выразимости, которые являются обоснованными, но не в данный момент.

13 В этом можно было бы сомневаться, поскольку «XYZ» явно введено как терм, замещающий субстанцию, отличную от действительной воды. Но пусть будет так.

Киншасе. Я знаю *a priori*, что Кабила это Кабила, но я не знаю *a priori*, что Кабила это не Мугабе, несмотря на тот факт, что быть Кабиллой строго несовместимо с тем, чтобы быть Мугабе.

Вот некоторое наблюдение, которое если бы было истинным, было бы очень изящным: альтернативы, которые я должен исключать *a priori*, чтобы знать, *a priori*, что я мыслю крипкеанскую мысль, что вода существует, является тем же, что я могу исключить *a priori* немедленно благодаря моему *априорному* схватыванию фрегеанских значений (как это описано в конце секции IV).

Рассмотрим, почему последнее не полностью безумно. Предположим, мы зададим вопрос почему я не должен знать *априори*, что я не нахожусь в Киншасе, чтобы знать априорно, что я нахожусь здесь.

Ответ: все, что я могу сказать *a priori*, – «Я здесь» и «Я в Киншасе» имеют идентичные крипкеанские условия истинности; откуда следует, что все, что я могу сказать *a priori*, – «моя мысль имеет условия истинности, что я здесь» и «моя мысль имеет условия истины, что я в Киншасе» обладают совместимыми крипкеанскими условиями истинности.

Очевидно, несмотря ни на что, от меня не требуется исключение *априорных* сценариев, таких, что все, что я могу высказать *a priori*, – совместимо с тем, что я мыслю, так как условие этой мысли конституирует *априорное* знание. В целом, это привело бы к опустению категории *априорного* знания; даже такие логические истины как *Кабила* = *Кабила* потеряли бы свой *априорный* статус, так как я не могу исключить *a priori*, что Кабила = Мугабе. Я прихожу к заключению, что:

(**) Чтобы знать *a priori*, что *A*, я должен знать *a priori*, что не *B*, но только в случаях где *B* априорно несовместимо с *A*.

Приложенное к знанию об условиях истинности, это означает, что:

(***) Чтобы знать *a priori*, что моя мысль имеет условия истинности, что *P*, я должен знать *a priori*, что она не имеет условий истинности, что *Q*, кроме тех случаев, когда *a priori* возможно (т. е. не ложно *a priori*), что *P* и *Q* обладают *одними и теми же* условиями истины.

Связь между (**) и (***) является довольно простой. Случаи, в которых является *a priori* возможным, что *P* и *Q* согласованы в своих условиях

истинности, являются теми, где $B = \langle \text{«моя мысль имеет условие истинности, что } Q \rangle$ не совместимо *a priori* с $A = \langle \text{«имеет условия истины, что } P \rangle$.

Далее, имею ли я *априорное* знание, что от меня требуется (***)? Я не вижу причины сомневаться в этом. Если P и Q являются *a priori* различными в их условиях истинности, то будет так же *априорно* и то, что P -мысль не имеет условий истинности, что Q . Чтобы вывести *a priori*, что моя мысль не имеет условий истинности, что Q , мне понадобится знать *a priori*, что моя мысль является P -мыслью. Но это точка зрения здравого смысла; задачей инкомпатибилиста является подрывать это, а моей задачей не является это подкрепить.

Фактически, это может быть подкреплено, если мы позволим себе допущение, которому инкомпатибилист не противостоит *per se*. Это допущение состоит в том, что я имею *априорное* знание *фрегеанского значения*: о том, как условия истинности моих мыслей и предложений зависят от фактов действительного мира¹⁴. Почему инкомпатибилист должен это отрицать? Фрегеанские значения являются внутренними и их проблема заключается во *внешнем* содержимом.

Теперь предположим, что мне предоставляют полное *априорное* схватывание фрегеанских значений моих мыслей и релевантных предложений моего языка. Это говорит мне, что для каждого Q удовлетворяющего условию (***) , что, несмотря на то, каким оказывается действительный мир, моя мысль никогда не приобретет условия истинности этого Q . Отсюда я заключаю *a priori*, что я не мыслю, что Q . Любое затруднение, возникающее из (***) по отношению к моему знанию *a priori*, что я мыслю, что P , исчезает.

Очень много приходится защищаться от возражений. Но кажется возможным создать *позитивный априорный* случай того, что я мыслю, что P , тем же самым методом: «заметьте», что моя мысль, как оказывается, обладает условием истинности, что P , при любой гипотезе о действительности. В соответствии с (*) ничего более не требуется для *априорного* знания того, чем является то, что я мыслю. Очевидным результатом является то, что «полное» *априорное* схватывание моих фрегеанских мыслей¹⁵ обеспечивает меня «обычным» *априорным* знанием моих крипкеанских мыслей.

---

14 См. конец раздела IV.

15 И фрегеанские значения соответствующих предложений.